

18+

ΠΡΟΚΤ ΜΝΕΜΟΖΙΝΥ

Εвгений Матерёв

Евгений Николаевич Матерёв

Эффект Мнемозины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40220379

ISBN 9785449609175

Аннотация

Что ни говори, но сегодня Инга переплюнула саму себя по части фокусов! Это надо же такое придумать! «А не остаться ли дома?» – в связи с увиденным смалодушничал Сергей. Он вспомнил все её иллюзионистские выходки и то, что с каждым днём они становились всё масштабнее. В довесок к этому Сергей постепенно теряет голову из-за девушки, признаваясь в своих чувствах фантому, что тоже расценил как усугубление своего психического состояния... Всё же он пошёл на встречу – любопытство взяло верх.

Содержание

Часть первая	5
Родственные души	5
Нефритовые чётки	13
Кубик Рубика	21
Поэзия	33
Мелодия	41
Головокружительные перспективы	44
Сабинянка	61
Коктейль «Коктебель»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Эффект Мнемозины

Евгений Николаевич Матерёв

Дизайнер обложки 3D арт-студия "Pompidou"

Корректор Мария Черноок

© Евгений Николаевич Матерёв, 2019

© 3D арт-студия "Pompidou", дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-0917-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Родственные души

Глава первая

День двенадцатый

Здравствуйте, дорогой Читатель! Вы в предвкушении? Понимаю, понимаю... Новая книга – это новый мир. Приходится ко всему привыкать: к образам новых героев, к их характерам и к сложившейся ситуации между ними.

Ну что ж! Потихонечку выходим из зоны комфорта, включая своё воображение – оно нам ой как пригодится, чтобы представить то, о чём будут вести разговор наши герои.

Зовут их – Инга и Сергей. Познакомились они совсем недавно – недели ещё не прошло. Но посмотрев на них со стороны, можно сказать, что они знают друг друга давно – прям родственные души. Бывает же такое! Это одно из явлений, от которого человек способен испытывать счастье. Но, как говорится, не спешите завидовать – вы ведь не знаете, какой ценой оно досталось.

Об этом позже.

А пока, дорогой Читатель, я попрошу представить Вас бескрайнюю степь, которая, несмотря на это устойчивое сло-

восочетание, вдруг обрывается – через пыльную дорогу уже бушует Чёрное море.

Берег похож на ломоть торта – миллионы лет развития земного покрова обнажились здесь в виде инфограммы. Но не везде каменные породы возвышаются над волнами стеной в несколько десятков метров; в Караджинской бухте, например, море и степь образуют между собой плавный переход.

Это место находится на западном побережье Крыма, и называется оно – Тарханкут; Тарханкутский полуостров Крымского полуострова. Такая вот топонимическая тавтология; что ж поделаешь...

Начало весны. Так что ни о каком буйстве красок речи не идёт – степь ещё только пробуждается, пополняясь влагой дождей. Свежая зелёная трава пробивается сквозь прошлогоднее засохшее бежево. Тяжёлыми серыми волнами наваливается море на высокие берега. Но нет сомнений, что скоро оно будет манить к себе тёплыми красками. От хандры, в которой находится сейчас степь, не останется и следа – обширная равнина превратится в разноцветный ковёр – миллионы цветов потянутся к солнцу. Тёплые ветра уже гуляют по просторам, будто дыхание Деметры.

Инга и Сергей стоят на одной из ступеней созданной ветром и водой известняковой лестницы. Перед их глазами небольшая бухта. Кое-где лежат почерневшие водоросли, выброшенные на берег недавним штормом.

Накрапывал дождь, но не такой, чтобы от него искать убежище – ярко-жёлтые накидки защищали наших героев от мороси.

Сергей посмотрел в сторону Оленёвки. За тюлем дождя видно только очертания сельских домов. Потом его взгляд обратился на Ингу. Она стояла чуть выше и задумчиво смотрела на море.

– О чём ты думаешь? – спросил Сергей, поправив капюшон.

– Я думаю о том, что наши галактики похожи на эти волны, – кивнула Инга в сторону воды, на поверхности которой рисовались всё новые и новые пенные силуэты.

– Умм? – на лице Сергея застыл немой вопрос.

– Представь: наша Вселенная похожа на шар – она как планета. Только вместо морей на ней бушуют волны из галактик.

«И что с того?» – хотел было спросить он, но передумал.

Сергей вспомнил их предыдущий разговор – чем он закончился – и в этот раз решил проявить больше терпения и выдержки.

– Хм. А почему наша Вселенная похожа на шар? Может, она квадратная?

– Может, и квадратная...

Сергей, улыбнувшись, склонил голову – «Вот и поговорили...»

Инга в нерешительности замолчала – стоит ли продолжать

эту тему?

«Почему бы и нет?»

Она поначалу делала между фразами небольшие паузы, обдумывая, как можно проще донести свои идеи.

Говорить о чём-то большем – да, это непросто! У себя в мыслях ты прыгаешь со ступени на ступень: вспоминаешь давно минувшее, мгновенно оцениваешь произошедший случай в твоей жизни и видишь, как логика его органично вписывается в твою личную картину мира, лишний раз подтверждая её правоту или хотя бы право на существование.

А попробуй провести по этой зыбкой лестнице кого-то ещё. Может, этот человек засомневается в правильности твоих выводов или же не так поймёт? Не успеешь опомниться, как и сам засомневаешься под гнётom его контраргументов и язвительности – глядишь, и зашатается такой понятный тебе мир.

Инга тем временем успела развернуть перед Сергеем своё видение мира:

– ...так что когда-то наша Вселенная была покойна – ничего не было: ни галактик, ни звёзд, ни нас – одно лишь первовещество.

– Первовещество?

– Да, первовещество. Не было ещё такого разнообразия химических элементов; были лишь одинаковые частицы, с одним и тем же зарядом. И располагались они на одинако-

вом друг от друга расстояний – скукотища зелёная...

– Под стать сегодняшней погоде... – вздохнул Сергей. – А потом что случилось? Откуда разнообразие появилось?

– А потом произошло нечто такое, что искривило эту... решётку – разрушило этот одинарный мир. Информационные поля атомов возмущены; чёткий, отлаженный механизм дал сбой. Поменялось расстояние между атомами, и возникли вариации.

Ведь раньше каждый атом посылал импульсы во все стороны, и они возвращались обратно всегда и вовремя...

Теперь же равновесие нарушено, и Вселенная изменилась. Там, где раньше был покой – бушуют волны, в которых рождается время. Ведь время – это события, происходящие относительно других событий. А какое может быть время, если раньше событий никаких не было?

– Эй, Инга! В какую степь тебя понесло? – рассмеялся Сергей.

– Я просто делюсь с тобой своим видением мира: из чего всё произошло.

– Помедленнее тогда – я не успеваю записывать!

Инга шутливо толкнула Сергея в плечо. Она и сама поняла, что слишком много попыталась вместить своих мыслей в этот короткий промежуток времени.

– Продолжай! «Механизм дал сбой». Что произошло дальше? – Сергей оторвался от своего воображаемого блокнота.

– Теперь же, посылая импульс в одну из сторон, ответ можно получить либо преждевременно, либо с запозданием.

Это как в комнате, в которой выключили свет: ты прикидываешь, где примерно находится твой друг, делаешь несколько шагов в его сторону и, думая, что стоишь перед ним, спрашиваешь – «Ты где?» А он неожиданно отвечает тебе прямо в ухо.

«...Прямо в ухо!» – Сергей от неожиданности вскинулся – ему показалось, что услышал эти слова по правую сторону, хотя Инга находится слева от него. Это было так явственно, что он даже стал озираться.

Инга улыбнулась ему в спину, довольная произведённым эффектом.

– Большой взрыв? – Сергей обернулся на собеседницу; сам удивился – как вдруг родилось в его голове это словосочетание?

Инга быстренько спрятала улыбку – «Я ни при чём – тебе показалось»:

– Только откуда в абсолютно инертной среде случиться взрыву, как думаешь?

Сергей неопределённо пожал плечами.

– Теорией появления Вселенной существует множество. У меня, например, есть своя собственная.

– Ну-ка, ну-ка... интересно послушать, – Сергей даже подвинулся к рассказчице поближе. При этом на его лице было состроено придурковатое выражение.

Инга, ничуть не смутившись от такой манеры слушания, продолжила:

– Возможно, два края незримой ранее кристаллической решётки столкнулись друг с другом, и по ней пошли волны, которые дали начало океану Жизни.

Вслед за акустическим приёмом Инга показала ещё один фокус – быстрым движением откуда-то сбоку от себя достала лист бумаги. Ровный, не мятый; словно он давно там лежал, прижатый камнем. Она свернула его в трубочку, наглядно показывая, как эти самые края вселенской решётки могли столкнуться.

Сергей попросил бумагу из рук Инги и стал с удивлением рассматривать листок: будто увидел на нём водяные знаки.

«Откуда она его взяла? Ведь из кармана его невозможно так быстро достать, тем более не помяв...»

Обычный чистый лист в клетку – ничего особенного.
– А как это...

Видимо, Сергей хотел озвучить свой вопрос, но, подняв взгляд, понял, что собеседница уже покинула его. Вскочив на полуслове, стал озираться – да, исчезла. Сергей захотел ещё раз взглянуть на бумагу, но та тоже исчезла – вместо неё у него в руке на ветру трепыхалась пола дождевика.

«Вот и поговорили», – уже с другой интонацией повторил Сергей.

Дальнейшая прогулка Сергея прошла в одиночестве. По дороге домой он проанализировал своё внутреннее со-

стояние, но никаких видимых причин для исчезновения Инги выявить не мог.

Думается мне, что такое начало непривычно для тебя, дорогой мой Читатель, верно? Но подождите немного, скоро атмосфера рассказа окутает Вас, как в плед. А мысли о нём будут сопровождать Вас в домашних делах, как запах заваренного кофе, испечённых пирогов или как понравившаяся мелодия.

Вспомните, как Вы первый раз читали булгаковскую эпопею «Мастер и Маргарита» – тот момент, когда чёрный кот сел в трамвай и оплатил проезд. Необычно? Необычно!

А в нашей истории необычным персонажем будет Инга. Является откуда ни возьмись, разговаривает с Сергеем на философские темы и исчезает на самом интересном месте своего повествования!

После её исчезновений мне впору ставить табличку – «Здесь могла бы быть ваша реклама».

Ну что ж. Подождём до завтра, когда Сергей и Инга снова выйдут на прогулку. Уверен – будет не менее увлекательно. А пока пусть Сергей займётся своими домашними делами, такими же, как и у нас с Вами, Читатель.

Нефритовые чётки

Глава вторая

День тринадцатый

Сколько много дорог! Вся степь беспорядочно испещрена ими. На какой из них нужно искать наших героев? Сергей с Ингой всяко должны прогуливаться вдоль моря – это, несомненно, облегчит наши поиски.

Ну! Что я говорил! Вот же они! Идут по пляжу Караждинской бухты, оставляя за собой на песке пару следов. Сейчас приблизимся к ним.

Судя по тому, что Инга и Сергей молчат, можно сделать вывод: сейчас произойдёт смена темы разговора. Один вопрос меня сейчас волнует: мы опоздали, всё прослушали или сейчас начнётся самое интересное?

– Хочешь почувствовать ту силу, что подталкивает всё сущее к изменениям? – первой нарушила молчание Инга.

Ого! Похоже – не опоздали... Хорошо!

– Не откажусь, – ответил Сергей.

Инга порылась в кармане куртки и протянула что-то Сергею. Она так буднично это сделала, чем позабавила его. Он-то уже начал представлять, что его собеседница протянет ему нечто светящееся, переливающееся всеми цветами радуги – будто заглянет в сундук с драгоценностями; как он с трепетом прикоснётся к этой тайне мира.

Но на руке у Сергея оказались два невзрачных куска магнита – «Вот тебе и тайна мира».

– Ты шарлатанка, Инга! Вчера фокусы были покруче!

– Я догадываюсь, о чём ты подумал, – Инга стала улыбаться ещё озорнее. – Да-да. Всё гениальное просто; настолько просто, что мы долго ещё не верим этой простоте.

Сергей вяло повертел кругляшки:

– Я чувствую себя обманутым.

– Но-но! – запротестовала девушка, – Ты не понимаешь!

Обманутым он себя чувствует...

С видом европейского купца, стремящегося выменять у аборигена побольше золота, она стала рекламировать магнит:

– Видишь, как они притягиваются друг к другу? А как отталкиваются? Чувствуешь?

Сергей актёрские данные Инги оценил – ухмыльнулся.

– Чувствуешь эту силу? Она такая... м-м-м... первобытная, – Инга сменила тон, посерьёзнела.

Так наши герои возвратились к своему вчерашнему прерванному разговору. Только теперь он проходил без сумбура – куда, собственно, торопиться?

– Ты хочешь сказать, что это – первовещество?

– Нет, это так, для наглядности. Представь себе нашу первовселенную – решётку, где все атомы расположены на одинаковом друг от друга расстоянии. Вокруг каждого атома находится его информационное поле, вроде магнитного.

Инга взяла за руки Сергея, сблизила два находившихся в них магнита, и он почувствовал упругость этих полей – «Чувствуешь, да?».

Сергей закивал – «Да, чувствую».

Но его поразило прикосновение Инги к его рукам – это было прикосновение человека из плоти: явно ощущалась и теплота рук, и шершавость кожи, и сила, с какой она направляла его руки. Вот это да! Она точно фантом?

Пока Сергей разбирался со своими ощущениями, Инга продолжала объяснять:

– ...информационное поле одного атома вещает окружающим – «У меня заряд ноль».

Итак, кристаллическая решётка находится в равновесии – кажется, ничто не может её поколебать. Но не тут-то было. Ты ведь помнишь наш вчерашний лист бумаги?

Сергей словно распробовал красивый парадокс на вкус: не мятый чистый лист, на котором ничего не написано, оставил неизгладимое впечатление.

– Вижу, что запомнил... – сказала девушка, не дожидаясь ответа. – Ну, так вот. Допустим, что наша Вселенная под действием неких сил, внешних ли, внутренних, стала искривляться. Она словно мозг в черепной коробке – сморщивается, образуя невообразимые изгибы, – Инга пыталась изобразить этот процесс, рисуя руками в воздухе. – Чем глубже наши извилины, тем больше разнообразных связей отделов мозга. Так и со Вселенной – она начала искривляться по-

сле столкновения двух её краёв. И чем больше она искривится, тем большее разнообразие химических элементов она создаст.

Инга взмахнула рукой:

– Ой, не знаю... Я опять скачу с одной мысли на другую...

– А мне понравилась эта идея про извилины! – одобрительно закивал головой Сергей. – Красиво!

– Я отвлеклась; продолжим.

И тут, дорогой мой Читатель, произошло такое, что должно железобетонно утвердить тебя во мнении, что в твоих руках книга в жанре фантастики. Поводы для подобной оценки уже имелись: это и голос с противоположной стороны, и необъяснимое исчезновение героини... И что это за упоминание про фантом?

Я отвечу: «Нет. К сожалению, это не фантастика. Хоть и дальнейшее развитие событий даст усомниться в моей искренности».

Что я могу ещё сказать? Чудеса случаются сплошь и рядом...

Но поступим проще – мы как рационалисты будем считать, что Инга – хороший гипнотизёр. Этот приём уберёт из повествования колер сказочности, совсем тут неуместный.

Главное – понять суть их разговора. И чтобы не мешать этому, я пока помолчу до поры до времени; читатель у меня умный – сам поймёт, что к чему...

Инга тем временем продолжила так, что у Сергея шары на лоб полезли, в прямом и переносном смыслах.

«Всё! Видать, я совсем уже головой тронулся...» – резюмировал он.

Прийти в ступор было от чего: перед нашими героями на фоне чёрной морской воды с пенными прожилками возникли два светящихся зелёных шара. Они, как и вчерашний лист бумаги, возникли из ниоткуда.

Сферы зависли друг напротив друга в воздухе, как два инопланетных корабля, и Сергей стал наблюдать за ними как замороженный. Инга же, словно появление в воздухе двух левитирующих объектов – это само собой разумеющееся, продолжила:

– Смотри! Это два атома первовещества. У этих шаров одинаковый заряд – ноль. Или один. Или двадцать один – неважно. Важно то, что у всех один и тот же заряд. Или, проще сказать, число; опять-таки неважно. Важен принцип. Для нашего удобства и наглядности пусть он будет равен нулю.

Знак равенства появился между шарами, а чуть выше зависла цифра ноль – этакое чеширское табло.

– Стоит их приблизить друг к другу, как заряд меняется.

Инга подошла к сферам и безбоязненно придвинула один шар к другому. Перед знаком «равно» теперь стала мерцать единица. Потом она взяла этот шар и отнесла к Сергею. Тот с настороженностью взял его в руки: повертел, рассмотрел.

Да! Инга словно угадала его недавнюю мысль – теперь это были не жалкие два куска магнита, а, как и полагается в таких сакральных случаях, нечто необычное, светящееся.

Шар был лёгок, хоть и выглядел как мраморный.

От рассматривания светло-зелёных прожилок на темно-зелёном шаре его оторвал голос Инги:

– Теперь, Серёж, посмотри, какой стал заряд этой пары.

Вместо единицы чеширское табло показывало минус три.

– Сделай шаг назад.

Сергей послушно отступил; на табло цифры изменились – минус три и пять десятых.

Взглянув на Ингу, он увидел, что та уже подбрасывала в руке третий шар: девушка смотрелась как призрак в его зеленоватом свете.

– Бросай его! – глянула она на шар в руках Сергея.

– Куда?!

– Обратно! Делай как я!

Инга стала добавлять новые шары – откуда она их берёт?! – будто играя в снежки, до тех пор пока в воздухе не сформировался куб, и после знака «равно» цифра сменилась на ноль – система вновь обрела равновесие.

– Видишь, количество шаров не влияет на сумму, если расстояние между ними одинаковое. Так и выглядела наша Вселенная когда-то, пока не случился некий катаклизм.

На её лице неожиданно появились красные отсветы – в руке Инга теперь, держала красный шар:

– Не смотри на его цвет; он такой же, как и те. Цвет – для наглядности.

Инга изготовилась для броска, как это делают при игре в боулинг:

– Сейчас мы немножко дестабилизируем ситуацию.

Красный шар, как хвостатая комета, полетел в сторону куба и занял своё место в его центре. Куб при этом содрогнулся: произошла вспышка, и до ушей исследователей донёсся резкий звук электрического разряда.

Когда сила потока света нормализовалась, то оказалось, что рядом с кубом появился ещё один знак «равно»; у первого знака светилась сумма – восемь десятых, а у нового – две десятых.

– Ничего себе – «немножко»! – присвистнул Сергей.

Он был ошарашен этим мощным звуком, не говоря уже об увиденном. Но поделиться своими чувствами оказалось не с кем – Инга снова исчезла, бесцеремонно оборвав свой опыт.

«Видимо, на сегодня хватит впечатлений», – подумал он.

Сергей подождал, когда померкнет куб. Затем привычным жестом достал из кармана чётки и двинулся домой. У места, над которым висела геометрическая фигура, он ощутил тепло, а в нос ударил резкий запах озона.

Увиденное было для Сергея теперь не в тягость, как, например, несколько дней назад, когда он мучился от своего болезненного состояния – что он какой-то не такой. Его, на-

оборот, восхищала возможность видеть «забытые мысли наяву», как ему описал это состояние отец, кстати, доктор медицинских наук.

Раздумывая над смыслом увиденного, Сергей вдруг остановился – его осенило: чётки! Да! Нефритовые бусины точь-в-точь походили на те шары, коими распорядилась Инга.

«Уж не это ли доказательство правоты отца!»

Сергей задумчиво постоял ещё, напоследок щёлкнул чётками, спрятал их в карман и зашагал дальше.

Кубик Рубика

Глава третья

День четырнадцатый

На следующий день Сергей с нетерпением дожидался новой встречи с Ингой. Впору вспомнить закон подлости: когда хочешь быстрее уснуть – долго не засыпаешь. Но вопреки этому правилу Инга появилась довольно быстро.

Встреча произошла на развалинах древнегреческого Карраджинского городища. Сергей успел осмотреть седую древность и теперь отдыхал, сидя на древнем фундаменте, поглядывая вокруг.

«Мама права – тут особая энергетика».

Сергей даже не удивился внезапному появлению своей знакомой. Словно ожившая в его воображении жительница древнего полиса, Инга прошла между рядами камней и под села к нему:

– Привет!

– Здравствуй.

Как ему полюбилась её улыбка. На неё всегда хочется ответить так же искренне.

Сергей поделился с ней своими впечатлениями об увиденном городище, пересказал свою беседу с мамой про античные времена – Ольга Ивановна по профессии археолог, и ей всегда есть о чём поведать.

Вот так, потихоньку, разговор незаметно перешёл на вчерашнюю тему; Сергей потом удивлялся – как это они сразу не заговорили ней? Он не так представлял себе начало разговора.

– Понравилось тебе вчера? – спросила Инга после паузы.

– Вчера – только показала мне, как рождаются вариации, и тут же исчезла! Что за невоспитанность! – с возмущением в голосе ответил Сергей.

Девушка звонко рассмеялась.

– Извини! Просто я увидела, как ты тарачил свои глаза – мне показалось, они вот-вот вылезут из орбит: пришлось принять меры.

– Ага. И встанут в центре куба, – улыбнулся Сергей в ответ.

Отсмеявшись, Инга посмотрела в сторону: кладка фундамента перед ними вдруг осветилась изнутри знакомым зелёным цветом – по углам каменного блока появились шары.

Вчерашний куб предстал перед взором Сергея и Инги – он отделился от камня и воспарил в воздухе.

– Числовые вариации у нас уже есть, как ты видишь...

Знаки «равно» и числовые значения тоже не заставили себя ждать.

– Но это, опять же, мёртвая природа. Как этот камень, – Инга хлопала ладонью по их «скамье».

– Почему же? Уже есть что комбинировать!

– А комбинировать кто будет, Серёж? Пушкин?

– Хм...

– Жизнь – это движение. Мне думается, что при разрушении решётки образовывались ведь разные геометрические фигуры: пирамиды, октаэды, тетраэды...

Инга хлопнула в ладоши, и куб вдруг скрылся в языках зелёного пламени. Опять послышался звук короткого замыкания; несколько искр вылетели из сосредоточия событий и поскакали по земле. Когда огненное шоу стихло, перед взором Сергея вращалась уже пирамида.

Инга из-за спины достала красный шар и привычным броском поместила его в центр новой фигуры. Всё, что происходило вчера, повторилось сейчас, за исключением одного нюанса.

Было видно, что сумма зарядов зелёных шаров была относительно постоянной – колебалась, конечно, но не так явно, как заряд центрального шара – его показатели прыгали с 0,2 до 0,5, отчего, по-видимому, и вибрировала пирамида.

– Почему она вибрирует? – спросил Сергей.

От этой вибрации шары смотрелись нечётко – смазано.

– В кубе центральный атом был бы затёрт между восемью зелёными. Они равноудалены друг от друга, поэтому вполне допустимо сказать, что система почти не утратила своей первичной устойчивости.

В пирамиде – другое дело. Окружающая красный шар система удерживает, конечно, его внутри, но сам он не может

быть постоянно в центре пирамиды. Он как бы мечется между вершиной и основанием пирамиды, поэтому и конструкция вибрирует.

Сергей, понаблюдав за счётчиками, хитро улыбнулся:

– Смотри. Фокус-покус! Сейчас будет три десятых!

Поймав нужный момент, он выставил вперёд указательный палец, обращая внимание:

– Вот, сейчас! – воскликнул он, и действительно – на табло засветилось три десятых. – Видала? Я не такой лопух, как ты думаешь. Я тоже мастак фокусы показывать!

– Ты понял, к чему ты сейчас подвёл наш разговор? – спросила Инга, загадочно улыбаясь.

Сергей с удивлением посмотрел на собеседницу, не зная, чего ещё можно ожидать – заставила сомневаться насчёт лопуха.

– К чему?

– Время появилось, Серёжа! – она поднесла к его глазам свою руку и постучала пальцем по часам.

Странные у неё были часы: стрелки вращались с непривычной быстротой. Сергей заметил это мимоходом; по сравнению с шоу шаров этот трюк показался ему пустячным. Его больше интересовало, что скажет сейчас Инга:

– Появилось новое измерение, – всплеснула она руками.

О, да! Быстро идущие часы – полная ерунда!

Неведомо откуда сверху, как кислородные маски во время разгерметизации салона самолёта, появилось множество гео-

метрических фигур. Они стали сталкиваться друг с другом, разрушаясь от этого, и тут же образовывать новые фигуры, ещё более сложные. Каждое превращение сопровождалось небольшой вспышкой и звуком электрического разряда.

– Вот это да! – раскрыл рот Сергей.

Будто они с Ингой смотрели фейерверк – всполохи света отражались на их лицах.

– Смотря со стороны, кажется, что происходит полная неразбериха – хаос.

– Да уж... – в знак согласия покачал головой Сергей.

– Представляешь: мы могли сейчас так же быстро изменяться!

Она кивнула в сторону скопища шаров, утопающих в электрических дугах.

– Но! – Инга подняла вверх указательный палец. – Если бы всё было так просто! Если бы всё менялось с огромной скоростью – это было таким же бессмысленным действием, как если бы не менялось ровным счётом ничего!

Подтверждая эту мысль, её указательный палец стал вдруг удлиняться. Затем от него отросли ветки, на которых вскоре зазеленели листья. Так же быстро вместо жёлудя на ветвях вырос глаз – дерево даже подмигнуло Сергею. После этого глаз стал падать на землю, сгорая в воздухе. От этой яркой вспышки он не заметил, как рука Инги приобрела нормальный вид – нечто в стиле Дали увидел сейчас Сергей, но он, конечно, и не помнит, кто это таков.

– Ха! – только и смог выдавить из себя Сергей, поражённый увиденным.

В запасе у Инги, судя по всему, немало ещё фокусов.

– Какой такой закон удерживает нас от хаоса?

– Может, так оно и происходит на атомарном уровне?

Просто размеры наши таковы, что мы не видим всех изменений, да и не должны видеть.

– На протяжении многих поколений? – с сомнением в голосе спросила Инга.

Потом она выставила руки вперёд, останавливая размышления Сергея:

– Итак! С принципом Троицы мы разобрались...

– Как ты сказала?

– Принцип Троицы. Поменяв расстояние между шарами, мы создали новое информационное поле. Образовалась такая синергия!

– Почему принцип Троицы? – попросил пояснений Сергей.

– «Во имя Отца, Сына и Святого Духа», – процитировала Инга начало молитв. – Это же не просто красивые слова, подумалось мне однажды! Это – суть, до которой человек, сам того не подозревая, дошёл!

Отец и Сын символизируют два атома – материальное, а Святой Дух – это расстояние между ними. То есть – информационное поле.

– Уф-ф-ф. Ну ты даёшь! Ты не только фотограф и фокус-

ница, но ещё и философ! – восхищённо резюмировал Сергей.

– Фэ-фэ-фе, – покачала головой девушка.

– Чего дразнишься? – улыбнулся Сергей.

– Я не дразнюсь. Я произнесла аббревиатуру свою.

Ф.Ф.Ф. – фотограф, фокусница и философ.

Вскоре лицо Инги приняло сосредоточенный вид.

– Так в чём же дело? – повторила она вопрос. – Что за сила удерживает нас от того, чтобы через два часа превратиться во что-нибудь другое?

Инга заглянула Сергею в глаза:

– Дело в том, что все вновь образовавшиеся системы с плавающей суммой заряда стремятся к той самой безмятежности, когда всё было – ничто. Вселенная словно пытается вновь принять старую форму – залатать разрушения в самой себе.

Новые системы, достигнув устойчивости внутри себя, позже пытаются выровнять информационное поле и вокруг себя, тем самым ненароком запуская процесс вариаций: выравнивая свои информационные поля за счёт других – могут образовать третьи.

Вот так! Один принцип объясняет, почему мы меняемся, а другой – почему делаем это медленно, постепенно... – Инга жестами предложила закончить свою мысль Сергею.

– ...потому что нужно время, чтобы накопилась критическая информационная масса.

После такого продолжения пришла очередь Инги с удивлением смотреть на Сергея. Да и сам он такого не ожидал от себя – видимо, ещё одно его коронное словосочетание всплыло из глубин памяти.

– Вот эти две силы и задают тон той гармонии, равновесия в Природе, – резюмировала девушка. – Это как кубик Рубика: собирая одну сторону, можно изменить другую.

– Впечатляюще! – так оценил этот рассказ Сергей.

– Камни, на которых мы сейчас сидим, это система в состоянии покоя; она относительно гармонична. А мы с тобой, Серёж, дети хаоса...

Кстати о детях. Именно эти принципы привели к появлению размножения, пищеварения и того, что называется естественным отбором. Улавливаешь связь? Видишь, как глобальные законы присутствуют в наших маленьких делах?

Инга дала Сергею немного времени осмыслить услышанное. А потом озадачила вновь:

– А если есть два начала, значит, их отличие должно в чём-то выражаться, верно?

– В чём же?

Девушка подкинула что-то в воздух; Сергей успел поймать – всё те же два куска магнита.

– Знаком заряда?

Инга кивнула.

К этому времени в шаровом облаке, на которое они изредка бросали взгляд, интенсивность света и звуков снижалась.

Сергей обратил на это внимание:

– Что там происходит?

– Как раз то, о чём мы с тобой говорим – появляется отрицательный заряд. В этом хаосе фигуры могут вкладываться друг в друга, как матрёшки.

– И?

– Чем больше вокруг красного шара зелёных, тем велика вероятность, что его заряд уйдёт в минус. Целые фигуры могут оказаться внутри других фигур – и вероятность этого намного меньше – это материя уже другого уровня. Неизвестно, сколько превращений претерпела материя, прежде чем сформировались элементы таблицы Менделеева, но у нас скоро уже всё будет готово...

Инга полюбовалась утихающей реакцией шаров и продолжила:

– Какая фигура, Серёж, может удерживать в себе увеличивающееся количество атомов внутри себя? – спросила Инга и сама же ответила на вопрос: – Конечно же, сфера! А вибрация задала движение этим сферам!

Именно в сфере могут создаваться многоуровневые системы. А чтобы они стали стабильны, «электроны», в кавычках, проходя по орбитам, учитывают время прохождения электронов по соседним орбитам.

– А почему – в кавычках?

– Электрон – это электрон; никто не знает, сколько он преодолел превращений и насколько близок он к чистому пер-

вовеществу. Поэтому и говорю – в кавычках.

Наконец превращения в атомном облаке закончились, и перед взором Сергея и Инги предстала сфера. Теперь уже не внутренний шар пытался найти равновесие среди внешних шаров, как в пирамиде, а окружающие – вращаясь во-круг ядра.

Уследить за движением конкретного шара и, соответственно, зафиксировать смещение его орбиты было невозможно – каждый шар, запутывая наблюдателя, прочерчивал свой трак, учитывая местонахождение соседних шаров: всё, как объясняла Инга.

– Понятное дело, что без времени не было возможно координировать действия сфер, – сказала девушка, видимо, находясь ещё и во внутреннем диалоге с собой.

– Я не перестаю тобой восхищаться, Инга! – Сергей с нескрываемыми чувствами взирал на фотографа, фокусницу и философа в одном лице.

«Фэ-фэ-фэ».

Хотя Сергей не видел ещё фоторабот Инги, но несколько не сомневался в их художественности и глубине, поскольку наяву видит глубину её мыслей и художественность иллюзий.

В ответ Инга разыграла перед ним небольшую сцену: «Что вы! Не надо громких слов! Ах...»

Ей-богу, актриса! Занавеса только не хватает.

Но Инга знает, как уйти со сцены незаметно: за спиной

Сергея неожиданно послышались жиденские аплодисменты; кто-то даже крикнул «Браво!».

Вздрогнув от неожиданности, Сергей оглянулся назад – «Кто это там надо мной издевается?!». Неприятно резанула мысль о том, как он странно смотрелся в глазах посторонних.

К счастью, никого за спиной не оказалось – это всё проделки Инги: аплодисменты прекратились, исчезла и Инга.

«Понятно. Снова фокусы».

Подобные резкие эмоциональные переходы – это, пожалуй, единственное, от чего в душе Сергея остаётся неприятный осадок после встреч с Ингой.

Сергей окинул взглядом развалины и направился к морю. Там он быстро забыл о неприятных чувствах – его мысли были заняты рассказами Инги: вспоминал, как перед глазами стояли все эти светящиеся шары и как он всей душой и телом ощущал необычайность, нереальность ситуации. Мистика!

«Надо же! Я могу заглядывать в параллельную реальность!»

Когда Сергей направлялся после прогулки домой, ему снова пришлось испытать неприятные чувства. Он был так поглощён своими мыслями, что чуть не попал под колёса машины.

– Ты чего, баран, совсем не видишь, куда идёшь?!

Водитель окинул его злым взглядом. Сев на место, дал по газам; машина, выбросив из-под колёс камни, рванула вперёд.

«Чего-то я совсем отрубился... Под машины кидаюсь...
Нужно же следить и за этой реальностью».

Поэзия

Глава четвёртая

День пятнадцатый

Наши герои стоят на краю обрыва – вниз метров двадцать, не меньше. Сергей, похожий на капитана корабля, вглядывается в калейдоскоп, словно в подзорную трубу. Известняковый берег играет роль палубы, на которую бросают длинные тени камни-кнехты. Борт импровизированного фрегата без усталости омывает волны, рисуя пеной узоры.

У Сергея свои узоры, разноцветные. От вращения цилиндра картинка с приятным шуршанием засыпки сменяется.

– Это раритетный калейдоскоп, из моего детства. Целых 28 копеек стоил! – сказала ему Инга, стоящая рядом.

– Здорово! У меня, может, тоже такой был, – Сергей повернулся ближе к солнцу, и узоры стали ярче. – Но неспроста ты вытащила его; сейчас последует интересная теория, да?

«Прошло уже прилично времени, а ты ещё ни разу за сегодня не села на своего любимого конька», – подумал Сергей.

Новый поворот – и в узорах появились новые грани.

– Да, ты угадал. Как думаешь, как связан калейдоскоп с этой теорией?

– Наверно... э-э-э... он наглядно показывает, как взаимодействуют между собой информационные поля?

Едва Сергей закончил рассуждать, как Инга продолжила:

– Ну-у-у, Серёж. Что мы с тобой как две научные крысы – занудствуем и занудствуем?

Сергей посмотрел на девушку с удивлением – такой грани в её поведении он ещё не замечал. Инга вдобавок шмыгнула носом, и в этой мимике действительно было что-то крысиное – «Опять она со своими штучками!».

– Давай немного пофантазируем? Как дети! – она выхватила из рук Сергея калейдоскоп и потрясла им.

– Да я не против, – пожал он плечами.

– Ну вот и славно!

Видно, вчера ей понравилась актёрская игра, аплодисменты – решила и сегодня примерить роль – на этот раз роль маленькой девочки. Особо Инге не пришлось перевоплощаться – всего-то завела руки за спину и сделала шаг шире. Сергей устремился следом.

– А представляешь, если окажется, что первовещество обволакивает всё сущее – оно кругом? – начала рассуждать «девочка».

Сергей даже хмыкнул – бывают ли такие девочки, рассуждающие «обо всём сущем»? Если да, то надо ещё хорошенько поискать.

– Может быть, это оно проводит импульсы со скоростью триста тысяч километров в секунду – со скоростью света?

В этот момент на солнце надвинулась туча, и было ощущение, что сам космос коснулся своей прохладой.

– Во время Катастрофы во Вселенной вполне могло сфор-

мироваться множество очагов исключительных условий, то есть мест, где наша привычная материя забирает у первовещества частицы для собственного построения. Далеко ходить не будем – это Солнце, наше тёплое Солнце, свет которого – результат изменения заряда окружающего его первовещества.

Информация – свет, словно эстафетная палочка, передаётся между атомами решётки первовещества. Поэтому свет летит с такой бешеной скоростью. Достигнув наших стен, диванов, телевизоров, свет выбивает из них частицы... Возможно, этим отчасти объясняется вездесущность пыли?

Инга выставила перед собой ладонь и сдула с неё пыль.

– Это отвлечённые рассуждения или они всё же как-то связаны с калейдоскопом?

Инга, будто не услышав вопроса, улыбнувшись, стала спускаться с обрыва к воде. Сергею пришлось последовать её примеру. Поискав удобное место, они сели на камне. Инга долго любовалась морем, потом она подставила лицо солнцу, закрыв глаза. Сергей уже не надеялся на ответ.

«Сейчас я отвернусь, и она исчезнет», – подумал он, хотя сам не очень-то в это верил.

– Человек первый осознал, что всё вокруг имеет душу, такую же, как у него, – продолжила Инга, заставив Сергея невольно вздрогнуть от неожиданности. – Душа – это же и есть совокупность всех наших информационных полей. Каждая клетка, каждый атом испытывает на себе влияние

того, что происходит снаружи и внутри нас. Душа – это наш личный калейдоскоп, через который мы смотрим на окружающий мир и видим его сообразно нашему восприятию и жизненному опыту. Это наше «Я» – такого больше нет и не будет. Свет – солнечный ветер, который вращает наш калейдоскоп, и в нём сменяются картины, вызывающие нашу ответную реакцию. Он один из множества ветров, но самый главный!

– Как поэтично ты сказала.

– Да, есть немного, – усмехнулась Инга. – Человек может быть очень жадным или щедрым, добрым или злым, хитрым или попроще. В зависимости от множества факторов, от их информационной массы, он может пойти на поводу у общества или же его рычаг внутренних побуждений окажется сильнее... Любые события, а не только свет солнца вращает наш калейдоскоп. Этих событий может быть много, их воздействие может проходить по многим измерениям, отчего невозможно бывает предугадать наше поведение и понять мотивы.

Как и в случае с информационными полями, появляются полутона – разные характеры людей. Поэтому важно, на какие зеркала нашей души упадёт свет тех или иных событий.

Видишь, какая получается картина? Куча всяких измерений. Если в том калейдоскопе, который у тебя в кармане, ограниченное количество сочетаний, то в нас оно безгранично.

– Если так, то почему же мы так ограниченно ведём себя? Почему люди, несмотря на свою уникальность, ведут себя одинаково?

– Не забывай про баланс, Серёжа. Мы вчера об этом говорили.

– Это распространяется и на поступки людей?

– Это распространяется на всё – закон универсален.

Инга достала блокнот и стала его быстро листать. Там был нарисован небольшой мультфильм: баскетболист разбегается, подпрыгивает и забрасывает мяч в корзину.

– Ты видишь только действие, но не каждый лист этого действия.

Сергей увидел не только действие, но и то, что мульт был нарисован мастерски.

Думал, что Инга по обыкновению даст ему посмотреть блокнот – даже потянул руку. Увы, девушка положила блокнот обратно в карман своей куртки. Сергей лишь конфузливо ухмыльнулся, замерев на полужесте.

– Но ведь импульсы идут со скоростью света; почему я не могу осознать каждый лист?

– Во-первых, не со скоростью света; не путай наше тело с первовеществом. Во-вторых, в твоём теле происходят триллионы действий – представляешь, какой это массив информации? У тебя мозги сгорят за секунду. Поэтому до нашего сознания доходят лишь допустимые для обработки суммы, а не заряд каждой клетки или даже участка. Все наши

органы живут автономно, сами по себе. Мы только можем осуществлять дозировку внешних раздражений, вот и всё.

Та же ситуация и с нашим сознанием, а значит и поступками – это нечто усреднённое, левитирующее между нашими плюсами и минусами, на доступном нам уровне.

Договорив фразу, девушка замолчала – застыла на месте, как робот, у которого неожиданно разрядились аккумуляторы.

Так как Инга любит показывать всё наглядно, то не отказала в этом и сейчас: в её голове что-то хлопнуло – с таким звуком обычно перегорает лампочка, – затем зашипело. Из ноздрей и приоткрытого рта повалил густой дым, а языки пламени, которое начало вдруг разгораться у неё в гортани, стали подсвечивать эту завесу.

Всё произошло очень быстро. За это короткое время Сергей успел побывать в двух противоположных стремлениях: сначала он сделал движение по направлению к Инге – узнать, отчего ей стало вдруг плохо; а потом ему пришлось невольно отшатнуться, увидев в её глазах огонь, изнутри освещающий полую голову девушки.

Инга моргнула раз-два и окинула Сергея своим обычным взглядом.

– Уф, напугала! Прекращай свои эти эффекты! Или хотя бы предупреждай...

Инга выдохнула остатки дыма изо рта и как всегда очаровательно улыбнулась:

– Прикольно, да? Пойду-ка я искупаюсь – охлажусь. А то перегрелась я чего-то.

Присмотрев место, куда можно сложить одежду, Инга начала раздеваться.

– Подожди! Серьёзно, что ли? – не поверил такому повороту Сергей.

Ему стало зябко.

– Серьёзней не бывает; видишь – аж дым валит!

– Куда?! Холодно ведь!

На этот аргумент Инга лишь скорчила забавную гримасу.

Аккуратно сложив одежду и перетянув волосы резинкой, девушка стала спускаться к воде, выбирая места на каменной породе, куда можно безболезненно ступить ногой.

Светившее солнце, ненадолго стихнувший холодный ветер и вид девушки в купальнике на короткий миг перенесли Сергея в тёплый беззаботный летний день; в ту минуту, когда задумываешься о дружбе и любви и когда испытываешь спокойствие и благодарность от осознания того, что и дружба и любовь у тебя есть.

Не распробовав воды, без подготовки, девушка прыгнула с камня в море, подняв множество брызг.

«Какое красивое у неё тело», – отметил про себя Сергей.

Сергей весь сжался, представив себя на её месте – «Бррр».

Всматриваясь в волны, он ждал, когда Инга покажется среди них. Оглядевшись, Сергей увидел, что её одежда исчезла.

«Ясно».

Дальше ожидать девушку не было смысла; в общем – как всегда: не прощаясь, по-английски. А ведь говорила, что летом только будет купаться...

Мелодия

Глава пятая

Спалось Сергею плохо. Он даже начал злиться на Ингу за её такое исчезновение – не этим ли объясняется его ненастаупающий сон?

«Не могла бы просто исчезнуть, как всегда. Обязательно нужно было это представление?»

Понятно, что утонуть Инга не могла. Но отчего тогда это засевшее с тех пор, как заноза, волнение? Будто она нырнула вглубь его, Сергея, души?

«Лучше бы она сгорела!» – в сердцах подумал Сергей.

Поворочавшись на кровати, Сергей с чувством усталости поднялся с постели, подошёл к окну. Сквозь занавески он увидел луну – отдёрнул их, открыл окно. Свежесть и таинственная ночная тишина заполнили комнату.

Сергей стал любоваться небесным светилом: его далёким океаном, морями и заливами. Где-то там, за облаком, под большим пятном на челе Луны расположен огромный кратер. Озеро Сновидений тоже почти целиком скрылось, а вот море Ясности отчётливо темнело на жёлтом шаре – Сергею вдруг стало ясно, что сопротивляться своей влюблённости нет никакого смысла, а вернее – желания.

Как комната наполняется свежим воздухом, так и его ду-

ша наполнялась теплом и новым ощущением жизни.

«Наверное, так сходят с ума», – без сожаления, а даже с каким-то облегчением подумал он.

Хоть самому себе признался. Но отцу он вряд ли скажет об этом – зачем? У Сергея и так не осталось ничего личного. А ведь хочется лелеять в душе тайну, тем более такую прекрасную.

«Об этом буду знать только я и Луна», – усмехнулся он своим мыслям.

Видно, то, что мешало ему спать, самоустранилось, потому что вскоре Сергей видел удивительный сон.

Снилось ему, как идёт он по берегу моря с чувством опустошённости – так он себя чувствует всякий раз, когда Инга внезапно исчезает.

Потом Сергей встал на краю обрыва и залюбовался полётом чайки. В этот момент из недр памяти зазвучала до боли знакомая музыка.

Откуда он знает эту мелодию? Что с ней связано? Хорошее? Или плохое?

Что за слова поются в этой песне, не понять – она написана на незнакомом Сергею языке. Его философское расположение духа и прекрасная природа вокруг натолкнули думать о высоком, сакральном смысле песни.

Сергей вспомнил рассказ Инги про принцип Троицы, и в его воображении стал разворачиваться необычный сюжет: над морским простором два шара, как огромные плане-

ты, видимые сквозь толщу атмосферы, стали сближаться. Их информационные поля пересекаются, накладываются друг на друга, образуя ещё одно измерение – упрощённая картина того, как образуются чувства, неуловимые движения которых останутся для всех тайной.

Постепенно шары-планеты стали уходить на второй план; сквозь них и сквозь ослепительный свет солнца стало прорисовываться лицо Инги. На этом воображение Сергея не остановилось – вскоре на её голове появился веночек из полевых цветов. Длинные волосы девушки стали развеиваться на ветру...

По задумке Сергея, сейчас сквозь блики на морских волнах появится её улыбка, и мир станет ещё светлее...

Но последовал необъяснимый ностальгический укол в сердце, и в этот творческий процесс вмешался принцип неопределённости; то самое, неуловимое движение души, которое может заронить надежду, а может посеять тревогу...

Наутро Сергей понял, что фантазировал во сне. Мелодия продолжала звучать в его сознании: гитары, виолончель, барабаны... Даже гудок корабля на рейде органично вклинился в этот сонм. Сергей не хотел, чтобы эта музыка оставляла его, забылась – от неё как-то спокойнее на душе.

А ещё он не мог разгадать «послевкусия» сна – ведь когда черты девушки стали чуть отчётливее, то стало понятно, что это совсем не Инга...

Головокружительные перспективы

Глава шестая

День шестнадцатый

Не знаю, как Вы, дорогой мой Читатель, но я люблю море. Я не перестану признаваться ему в любви. Оно всегда – самое грандиозное и захватывающее зрелище, в любом амплуа! И разговаривает оно со всеми на понятном каждому языке. Я никак не могу на него насмотреться; оно мне нравится каждую минуту!

Сейчас вечер. Ветер переменился. Поднялись волны, впечатляющие любого, кто встанет на берегу. Каждая следующая волна кажется больше предыдущей – так завораживает это зрелище; им можно любоваться до бесконечности. Это гипноз!

Пена заполняет всё пространство между камней; когда смотришь на это, думаешь, что и твоя душа отмывается от всего плохого, и ты светишься счастьем, как светятся влажные камни на солнце.

Волнами отшлифованные, с разными полосками-иероглифами – камни, как послания из других миров, лежат на песке. А о том, что эти миры существуют и живут, нам говорят разбросанные тут и там ракушки.

Тебя начинает охватывать чувство, что этот мир не рядом, в морской пучине, а в твоих мечтах, где тепло светит солнце

и тихо шепчет ветер. Тебе кажется – ещё чуть-чуть, и волны моря приоткроют тайны веков; пена уползёт обратно и в песке обнажится, засверкает влажная амфора или покажется деревянное лицо сирены, украшавшей когда-то нос корабля.

Но Сергея сегодня не только красоты природы занимали – он был очень воодушевлён произошедшим в нём ночью психологическим переломом.

«Утро вечера мудренее», – подумал он, засыпая; а проснувшись, был приятно обласкан своими мыслями.

Может, для психического здоровья это и плохо – нужно сопротивляться подобному уходу в другую реальность. Но в силу своей социальной изолированности он не видел причин сопротивляться.

Пока он отнёсся к этой данности как к приключению, как к занимательной дуэли между женщиной и мужчиной. Авантюра, что говорить. И посвящать кого-то в неё он не видел пока ни повода, ни смысла.

– Привет!

Сергей оглянулся – Инга шла за ним, чуть подотстав. Удивительно было для него самого – как он обрадовался, увидев её.

– Здравствуй, Инга!

– Сегодня у тебя хорошее настроение, я смотрю!

– Ещё бы! – ответил Сергей в несвойственной ему воодушевлённой манере.

Инга же, наоборот, похоже, была не в духе – будто нахо-

дится в обиде на него за что-то. Сергей и правда принял это на свой счёт – «Уж не прочла ли она мои мысли и таким образом желает намекнуть, что не одобряет романтических поползновений в свою сторону?»»

– Рада за тебя! У тебя есть повод или звёзды удачно расположены?

Он всё списал на звёзды, вспомнив, как они заговорщически мерцали сегодня в ночи. А вспомнив, какие мысли и желания посещали его, глядя на ночное небо, развил эту тему:

– У тебя не было желания выйти в степь, когда становилось совсем темно? Окунуться в ночь, подслушать тайные звуки, почувствовать свою сопричастность к этому большому миру.

Ей-богу, их обоих сегодня словно подменили. Откуда Сергей нахватался всего этого? Неужели его влюблённость даёт такие результаты?

– Да, я люблю побыть одна, подумать. Но не в степи, а на берегу моря, когда светит луна. Совсем как та русалка...

– Русалка? Какая русалка?

Инга задумчиво смотрела на море. А когда она стала поворачиваться к Сергею, то у самого её уха, на щеке, проступила серебряная чешуя – всего на мгновение – можно лишь успеть заметить.

«Ну хоть эффектами своими балует, и то хорошо. А то совсем какая-то не такая... Отчуждённая», – немного приободрился Сергей.

– Хочешь, расскажу тебе одну местную легенду?

– Про русалку? Расскажи.

– Да. Только она очень грустная.

– Давай погрустим, – вздохнул Сергей, хотя грустить ему не хотелось вовсе.

– Слушай. В Мисхоре жил-был старик, Абий-ака. И была у него дочь Арзы. Красоты была девушка необыкновенной. И вот полюбился ей парень из соседней деревни; стали свадьбу снаряжать. Одно лишь её печалило – дом отчий нужно будет покинуть.

Как только солнце вошло над морем, вышла Арзы из дому; захотелось ей напоследок обойти сад, пройтись по винограднику, посидеть у фонтана и ещё раз насладиться видом моря.

Весело журчал фонтан; отражалась в воде Арзы, одетая в свадебное платье. Взяла она кувшин, чтобы наполнить его живительной влагой. Вдруг откуда ни возьмись налетели разбойники, схватили Арзы, прервали её крик и понесли поскорее к лодке.

Горевали люди, затосковал жених. Безутешен был Абий-ака; сжимал он в руках осколки кувшина. Поникли деревья, и даже любимый фонтан Арзы иссяк.

Тем временем привезли разбойники Арзы на невольничий рынок Стамбула, и попала она сразу в гарем к султану – такой красоты была. Но не было ей здесь счастья – сильно она тосковала по родине, плакала. Даже рождение сына

не смогло её утешить.

И однажды поднялась она на высокие скалы вместе с ребёнком на руках и бросилась в море.

С тех пор в этот день, раз в году, фонтан начинает струиться сильнее обычного. Говорят ещё, что из моря выходит русалка с младенцем на руках; начинает пить воду из фонтана, омывать ею лицо, волосы. А потом, немного посидев задумчиво, понянчив ребёнка, снова исчезает в волнах...

– Печальная история. Чего-то ты сегодня под стать этой истории; я тебя такой не видел ещё, – взглянул на рассказчицу Сергей.

Инга неопределённо пожала плечами:

– Не обращай внимания – находит, бывает, на меня такое. Не всё ж время мне хохотуньей быть.

– Непривычно видеть тебя такой.

Немного прошли молча.

– У тебя есть жених?

– Нет. С чего вдруг такие вопросы, Серёж?

Сергей не обратил внимания на удивлённый взгляд собеседницы:

– Подумал, что неспроста эта легенда была рассказана.

– А-а-а... Парень из соседней деревни... Я замужем была.

– Была? Куда он делся?

– Я не хочу об этом говорить, – с твёрдостью в голосе ответила Инга.

Видимо, Сергей не до конца прочувствовал эту твердь:

– Ты его любила?

Вопрос остался без ответа. Инга встала, подошла ближе к воде. Лицо её ожесточилось, стало напряжённым – видно, что воспоминания эти по-прежнему приносят боль.

Щурясь от ветра, Инга пыталась поправить причёску, но волосы упрямо избегали её рук. Потом стала смотреть вдаль, будто там что-то есть. О чём она сейчас думает, что вспоминает – бог весть. Наверно, так же в море смотрит Русалка, сидя с малышом у фонтана.

Никак не стыкуются сегодня их с Сергеем внутренние состояния. Никакой поддержки своим чувствам влюблённости он не снискал; наоборот, пыл его был остужен.

Сергею захотелось прервать затянувшееся молчание; в его положении довольно-таки трудно найти подходящую тему для разговора; не разговаривать же с Ингой про ремонт, в самом деле, хотя и такое бывало.

– Любовь, ненависть, равнодушие, зависть... – Сергей увидел, что Инга обратила на его слова внимание, стала прислушиваться, возвращаться мыслями в текущий момент. – Что же произошло с нами, людьми? С чего вдруг у нас появилось столько чувств?

С этого вопроса, неожиданно легко, завязался разговор на их обычную тему:

– Вариации, Серёж. Например, вариант такого анатомического строения дал такие результаты. Как атом появился: одна фигура оказалась внутри другой... Как матрёшка... Так

и наша животная психика оказалась внутри человеческой, теперешней.

– Как это? – не понял Сергей.

Появление атома он себе представлял более чем достаточно – подобных впечатлений не забудешь. Но вот представить себе подобные игры с мозгом... Хотя...

– А! Ты имеешь в виду, что в мозгу извилины стали глубже, да? Припоминаю теперь – ты говорила... – Сергей задумался.

Инга согласно закивала головой:

– Вот-вот. Мозг делится на функциональные зоны. Но извилины дают соприкоснуться этим зонам большей поверхностью и разнообразить связи между собой. И на этой периферии возникают новые сочетания информационных полей, поверх которой формируется новое вещество, несущее в себе новые алгоритмы.

Пройдёт ещё много тысяч лет, прежде чем эти разрозненные сочетания станут единым информационным пространством: диалектически – нашим сознанием – и физически – корой мозга.

– Как же это станет возможным?

– Сейчас я тебе наглядно покажу...

Сергей чуть не споткнулся, вдруг увидев перед собой на земле зелёные линии, поделившие пространство впереди на множество квадратов. Трава, пересекавшая лазеры, тоже отсвечивала густым зелёным цветом.

От его испуга в глазах у девушки появились смешинки.

– Уф-ф-ф... Предупреждай хоть...

– Если ты найдёшь дома газету, – продолжила Инга, – то с большой долей вероятности найдёшь в ней подобную таблицу. Это игра sudoku, цель которой – расставить числа так, чтобы они не повторялись ни по вертикали, ни по горизонтали. Несколько чисел произвольно уже расставлены, а остальные ты должен расставить сам.

В квадратах высветились числа.

– Давай поиграем? – Инга пригласила Сергея подойти поближе к игровой площадке.

– Ты что, меня за идиота держишь? Это же лёгкая таблица.

– Хорошо, хорошо! – рассмеялась девушка, – Давай посложнее.

Она хлопнула в ладоши, и таблица заметно опустела.

– А сейчас без карандаша не обойтись; долго играть придётся, – немного подумав, ответил Сергей.

– Да ну тебя! – шутливо стукнула она его кулаком по плечу. – Не понос, так золотуха. Не хочешь играть, так и скажи.

– Не, ну правда... – начал оправдываться Сергей.

– Ладно, потом поиграем. – Поле исчезло, и они продолжили свой путь. – Я к чему тебе sudoku показала: подобные задачи стоят и перед любыми системами. Они не могут направо и налево соединяться с кем попало – у них есть определённая ячейка, где они могут прижиться.

– Но это же убивает идею вариаций! – поспешил Сергей. Инга отрицательно покачала головой – «Нет!».

– Ничего подобного! Вариации могут сыграть на том поле, где есть достаточное количество свободных клеток. Чем меньше остаётся свободных клеток, тем меньше вариантов.

Я ведь предложила тебе сначала поиграть в игру попроще – ты отказался: ты понял, что там нет никаких вариантов – тупо ставь цифры, и всё. Во втором поле было мало подсказок, а значит, есть несколько вариантов решения...

– А-а-а, – догадался Сергей.

– «А-а-а», – процитировала его Инга. – Нога костяная.

– Всё-таки – идиот! – сказал про себя Сергей и улыбнулся.

Перед его мысленным взором предстало бесконечное множество полей sudoku, и границы этих полей раз за разом смещались в зависимости от внешних факторов, образуя новые комбинации чисел так, чтобы не нарушать правила игры.

Правильно ли он понял свою собеседницу? Мысль эта была такой неуловимой.

– У меня такое ощущение от твоих рассказов, будто я стою перед открытием, но в упор его не замечаю.

– Ты имеешь в виду, что не до конца понимаешь, к чему я веду?

– Ду-ду... Можно и так сказать.

– Этим примером я хочу доказать, что наши чувства есть продолжение животных инстинктов. Просто у человека появилась следующая надстройка, в которой реализуется сме-

шение: она даёт нам возможность по-новому контактировать с внешним миром – рождать всё новые сочетания.

Ещё один возможный фактор – это интенсивность мышления. Повысились скорости, увеличилась проходимость сигналов, поменялось соотношение приливов и отливов – так я называю те процессы, когда происходящее внутри человека весомее, чем происходящее снаружи.

– Рычаг?

– Да!

И тут Инга показала новый фокус, эффектный, как всегда. Неожиданно с неба со стуком деревянных перекладин размоталась верёвочная лестница и стала качиваться между девушкой и Сергеем.

Он задрал голову, чтобы увидеть, откуда она, собственно, появилась. Дух захватило – канаты тянулись прямо до неба, сливаясь с облаками.

– Есть ещё одна фишка, без которой человек – не человек! – сказала Инга, поднимаясь по лестнице.

Сергей схватился за лестницу, чтобы девушку не раскачивало из стороны в сторону:

– Куда ты?!

Инга, изловчившись, спрыгнула с лестницы позади Сергея:

– Ты не хочешь наверх? Хаос протянул нам лесенку... Он предлагает нам головокружительные перспективы.

– Хм... Я вижу.

Сергей с ужасом представил себя там, хотя бы на стометровой высоте, да ещё среди чаек; действительно – «головокружительные».

– Лучше побуду бесперспективной обезьяной. Спасибо.
Инга от души рассмеялась, первый раз за день.

Сергей ещё раз задрал голову. Насмотревшись, как величественно плывут облака, ему пришлось ухватиться за лестницу вторично, дабы удержаться на ногах – голова закружилась.

– Благодаря изменениям в мозгу человек стал выше своих инстинктов, – увлечённо продолжила девушка свой рассказ.

Похоже, потихоньку она приходила в себя; по крайней мере, больше напоминала ту Ингу, какой её привык видеть Сергей:

– Как и маленькая пирамида в своё время замкнулась, сохраняя свою маленькую гармонию, так и человек отделился от окружающего мира, до поры до времени управлявшего им через инстинкты. Он стал сам по себе.

В очередной раз повторяю: как неизвестно, что же на самом деле произошло с решёткой, что предшествовало появлению нашей Вселенной, так и мы – не узнаем, какие факторы послужили тому, что у человека появилось самосознание; факторов этих великое множество – некоторых сейчас не существует вовсе; это уравнение со множеством неизвестных.

– Надо уж придумать какое-нибудь слово, чтобы в очередной раз не повторять, – улыбнулся Сергей в ответ на её по-

учение.

– Давай! Кто придумал – тот и придумывает! – скаламбурила Инга.

– Фе-фе-фе! – скорчил глупую рожицу Сергей.

– Замётано! – рассмеялась Инга.

Инга дала Сергею немного времени переварить полученную информацию и продолжила:

– Но не только изменения в мозгу обеспечили человеку превосходство, это точно. Мне кажется, что эти изменения шли параллельными курсами; причём подтягивали, тянули друг друга за собой.

Инга как-то странно выставила свои руки вперёд, медленно сжимая и разжимая пальцы. Эта странность объяснилась чуть позже – перед ней появились ряды зелёных шаров: один сверху, другой снизу. Между шарами протянулись зелёные струны: арфа! Инга заиграла на ней. До слуха Сергея и впрямь донеслись сказочные звуки.

Раз уж Сергей не догадался после намёка с лестницей, то уж с музыкальным инструментом должно получиться лучше.

– Не правда ли, руки – настоящее произведение искусства? – на всякий случай спросила музыкантка.

Девичьи пальцы едва касались струн.

«О, да! Несомненно! Настоящее произведение; припал бы губами к ним!» – не к месту пронеслось в голове у Сергея.

– Именно через наши руки новые алгоритмы получили выход и дальнейшее развитие. Появилась такая структура –

человек, – которая с их помощью может осознанно вовлекать в круг своих интересов другие структуры.

Познавая окружающий мир, человек познавал и себя.

Инга не поняла, слышит ли её сейчас Сергей – так загнип-нотизированно он смотрел на порхание её рук. Она привела его в чувство какофонией, одновременно ударив по струнам всеми пальцами. Сергей вроде вернулся с небес на землю.

Арфа исчезла, но музыка продолжала звучать в воображении Сергея. Чуть позже к этим звукам добавятся мелодии из недавнего сна, и два ритма сольются в красивую композицию, поглощая внимание Сергея.

– Повтори: о чём я сейчас толковала? – улыбнулась Инга.

– Руки – наше всё! – лозунгом, как Маяковский, сказал он.

– Почти. Руки развивались вместе с нашей мыслью. Синергия анатомического строения тела и появление новых связей между отделами мозга привели к появлению такого драйвера, который даёт доступ почти к любым системам!

Человек взял в руки дубину и осознал, догадался, что она – как бы продолжение его руки. Его рука стала длиннее, и он, без ущерба для себя, может ею защищаться, нападать, а также ковыряться в земле или доставать плоды, висящие высоко на деревьях. Следовательно, у него появилось преимущество. Раньше он делал это неосознанно, повинаясь могучей силе инстинктов. Но как только человек вышел из повиновения им, то такой алгоритм привёл человека к мысли, что всё окружающее можно использовать для собственных

нужд.

И как наше тело меняется, подстраиваясь под окружающую среду, так и орудия труда начали меняться в зависимости от назначения.

Так на примере человека более ярко стала видна способность материи к самопознанию. Этот алгоритм познания возник ещё при рождении Вселенной: одни системы разрушаются – их обломками пользуются другие системы. Нет ничего удивительного в том, что материя пользуется материей, желая достичь баланса. Материя познаёт саму себя.

Это не значит, что у животных нет сознательного элемента и они подчиняются только алгоритмам. Они ведь тоже взаимодействуют друг с другом, используют окружающую среду, например, для строительства жилищ. Но их влияние на среду сильно ограничено, потому как развитие их конечностей пошло по другому пути.

Весь вопрос в том, что превалирует: сознательное или бессознательное?

В силу физического развития у животных превалирует бессознательное. Человек сумел перебороть бессознательное и стал жить в сознательном режиме – у него есть руки, с помощью которых он может осознанно менять среду обитания.

Бессознательное – это подчинение нашей системы внешним раздражителям. Сознательное – подчинение окружающего нашей воле.

– То есть у животных тоже есть сознание?

– Конечно! Вот, смотри!

Инга показала рукой на камень, из-за которого появились забавные мордашки нескольких сусликов. В её руке, по традиции, откуда ни возьмись появилась горсть пшена. Она рассыпала её перед камнем.

Чтобы взять это пшено, сусликам достаточно выйти из укрытия и пройти пару метров. Но они не торопились это делать, пока рядом находились люди.

Наконец парочка сусликов рискнула всё-таки выйти из укрытия и начала собирать зёрна, держа в поле зрения Ингу с Сергеем.

– Видишь эту их внутреннюю борьбу? Стоит нам сделать резкое движение – и у них возобладает бессознательное...

С того момента, как Инга прекратила играть на арфе, на Сергея навалилась вдруг вялость – так себя чувствуешь, когда не выспишься. Наверное, от осмысления того массива информации, что он получил сегодня, и того, как Инга всё это ему разжёвывала, Сергей притомился. Ещё эта мелодия, сыгранная Ингой на арфе, такая приставучая, убаюкивающая...

Опьянённый вдобавок своим решением, сделав пару неуверенных шагов вперёд, Сергей приблизился к Инге вплотную и даже взялся обеими руками за её талию.

Он ещё не был так близок к ней: ни физически, ни духовно. Как сказала только что Инга – у него возобладало бессознательное.

знательное.

Инга с удивлением смотрела на Сергея и, похоже, с опаской ждала следующего шага – что будет дальше? Надеялась ещё – мало ли – оступился человек.

Но нельзя было не понять чувств Сергея, взглянув в глубину его серых глаз. Это были глаза влюблённого человека.

Сергей замечал перед собой только глаза Инги и губы, которые он очень хотел поцеловать – Сергей затрепетал от такой возможности. Время перестало для него существовать.

«Какие, к чёрту, суслики!».

Он влюблённо смотрел на Ингу, касаясь овала её лица, волос, шеи, бормоча признания в любви. Из её рук сыпались на землю остатки пшена.

Было ли так на самом деле или это были лишь мысли, мираж или помрачение рассудка – Сергей и сам не знал. Он только почувствовал прилив счастья, который, к сожалению, быстро сошёл на нет.

Мысли неожиданно приняли другой оборот. Это было похоже на внезапный испуг: будто идёшь по канату над пропастью и нечаянно глянул вниз.

То ли рассудок проснулся не вовремя, и Сергей, посмотрев на ситуацию со стороны, убедил себя, что ситуация эта ненормальна. То ли он прочёл нечто во взгляде Инги...

Пристыженный слабостью своего духа, Сергей присел на камень. Подняв глаза, стал наблюдать за размытым силуэтом Инги – он осознанно не хотел фокусировать на ней

свой взгляд – ему была приятна вдруг навалившаяся отрешённость.

Мелодия, которая до сих пор не оставила его воображения, стала двоиться, как под сводами пещеры. Потом Инга раздвоилась или, как она говорит, – «расщепилась» – на два неотчётливых силуэта.

Сергей надолго прикрыл глаза, погружаясь в это трансовое состояние, будто отдавшись течению реки. Через минуту-другую это наваждение прошло; сонливости как не бывало. Понятное дело, что Инги рядом уже не оказалось...

Сабинянка

Глава седьмая

Сергей лежал на кровати и прислушивался к ощущениям, какие произвёл на него сон. Первый сон, в котором он увидел Ингу и в котором настоящее очень близко подошло к прошлому.

Во сне они вместе прогуливались по аллеям парка – это был Летний сад в Санкт-Петербурге; Сергей, конечно, не помнит всех обстоятельств, при каких гулял по нему однажды. Но вот по маркерам – эпизодам, с психологической точки зрения важным для его личности, – этот сон превосходил предыдущие. Даже в каких-то моментах его вот-вот посетило бы чувство дежавю.

Живая изгородь зелёными стенами ограничивала пространство вокруг, создавая камерную атмосферу укрытия, являясь материальным символом того состояния, в каком Сергей полмесяца находился по воле Мнемозины. А там, снаружи, раздавался гул большого города – ощущаешь пульс и ритм жизни, из которого ты вдруг выпал, оказавшись в Саду.

По обеим сторонам длинных аллей, словно шахматные фигуры знаменитого краснодеревщика, стояли бюсты и статуи. Белый цвет камня оживлял восприятие Сада, придавая

ему нарядный, законченный вид. Над головой – голубое море небосвода. Душу не покидало ощущение близости большой воды: вот-вот заблестит она, засмеётся меж стволов дубов и лип. Сергею казалось, что за решёткой Летнего сада находится ялтинская набережная – во снах и не такие обманы бывают.

На душе у влюблённого Сергея было радостно и спокойно. Словно все жизненные проблемы разрешились благополучно, и теперь можно насладиться жизнью во всю ширь.

Всё же одна мысль надоедливо пульсировала в голове Сергея, но и эту проблему можно решить – таково сейчас его настроение. В какой-то момент ему захотелось озвучить эту мысль.

– Если я всё вспомню – ты исчезнешь. Ты ведь моя выдумка, – предупредил он свою пассию. – Не рассказывай про меня ничего – я не хочу тебя потерять.

– То есть, по-твоему, я не существую? – с хитрой улыбкой спросила девушка.

«Ну-ну!» – покачала она головой.

– Сейчас я дотронусь до тебя, и моя рука пройдёт насквозь.

– Насквозь? – переспросила Инга и засмеялась.

Сергей потянулся к ней, чтобы доказать справедливость своих слов, а она стала от него со смехом отходить, дразня, уворачиваясь от его прикосновений. С того места, где Психея склонилась над спящим Амуром, и начались их салочки

в Летнем саду.

Сначала прохожих было мало; Сергей не торопясь шёл за девушкой, давая развиться их игре, этой прелюдии. Ему казалось, стоит только захотеть, и он обязательно поймает свою сабинянку, как это сделал дикий римлянин на стоящей неподалёку скульптуре.

Вот и фонтан, и целая когорта древних философов вокруг него. Думаю, Демокрит, возле бюста которого сейчас стояла Инга, с удовольствием принял бы участие в их с Сергеем философских разговорах. Да и другие были бы не против.

Видимо, девушка засмотрелась на радугу в струях Коронного фонтана, иначе бы не позволила бы так близко подойти к себе. Сергей не мешкает, но Инга каким-то чудом снова избегает ситуации быть пойманной; её смех слышался в стороне от Сергея; и подслеповатый философ в берете как бы вторит ей.

Инга была неуловима. Теперь нужно быть внимательным вдвойне, дабы не упустить её из виду. Не зря Сергея посещала мысль о ялтинской набережной – по аллеям прогуливалось так много туристов, точно в самый пик сезона.

Инга пробиралась сквозь людские потоки, время от времени оборачивалась, одаривала Сергея улыбкой – «Попробуй догони!» – и снова скрывалась в толпе.

Далее последовал целый калейдоскоп судеб, характеров и образов, увековеченных в камне, на которые Сергей едва ли обращал свой взор.

Всё же настал момент, когда после нескольких метаморфоз с пространством Сергей потерял Ингу. Стоя на перекрёстке сада призраков, он стал озираться – не мелькнёт ли в толпе голубое платье? Застывшие римские боги ничем не могли помочь ему.

Сергей долго ходил под клёнами и липами в безрезультатных поисках; во сне это время пролетело мгновенно. С такой же скоростью проходит, например, осмысление нами увиденного пейзажа; когда вдруг ощутишь светлую грусть, глядя на такой родной оранжевый свет солнца, прорывающийся сквозь листву, освещающий гравийную дорожку – он напоминает тебе о другом месте, важном лично для тебя.

После пробуждения – всё забылось, кроме последних минут, какие сейчас и осмысливал Сергей, лёжа в кровати.

Он всё-таки нашёл Ингу. Она приближалась к нему, не догадываясь ещё, что обнаружена. Заметив Сергея слишком поздно, она от неожиданности отпрянула от него, невольно задев постамент. Статуя на нём на удивление легко зашаталась. Дальше всё произошло очень быстро и неотвратимо: скульптура богини стала, постепенно набирая скорость, падать с пьедестала – Инга и Сергей едва успели отбежать в сторону.

Статуя Цереры разбилась на несколько частей. Больше всего Сергея поразило её неестественно искажённое трещинами лицо – оно было ему знакомо...

Коктейль «Коктебель»

Глава восьмая

День семнадцатый

Сегодня выдался очень тёплый день: намёк на скорое наступление лета. Многие окна в доме были открыты: от сквозняков ощущалось, будто что-то хорошее, радостное проникает в комнаты; душа поёт и ожидает.

Сергею было интересно – как пройдёт их с Ингой встреча после его признания в любви: не поменяется ли чего. Хотя если бы кто спросил, чего он сам, собственно, ожидает – каких изменений, то он вряд ли бы нашёлся что ответить.

Одевшись по-летнему, благо погода позволяет, Сергей поторопился к морю. Сегодня он решил направиться на мыс Прибойный или, как он раньше назывался, Кара-Мрун.

Ещё издали Сергей заметил одну странность, поначалу не понравившуюся ему – ведь он уже так привык к безлюдным берегам Тарханкута. А тут вдруг появилась машина, небольшой белый фургон, напоминая о скором нашествии туристов.

Странность состояла в том, что это был передвижной ларёк, в каком обычно продают отдыхающим всякую сладкую всячину: напитки, мороженое. Но кому сейчас тут было продавать-то?! Кругом ни души! Вскоре Сергей догадался: автомобиль – это баловство Инги.

Подойдя поближе, Сергей убедился в том.

– Привет! – поздоровался Сергей. – Что ты здесь опять придумала?

Фургон был оборудован как бар: зеркальные стенки замысловато преломляли отражённое пространство за Сергеем. На стеклянных полках рядами стояли одинаковые бутылки – одна к одной; только цвет содержимого был разным – «каждый охотник желает знать, где сидит фазан».

Инга, одетая в белые брюки и тельняшку, гармонично смотрелась во всём этом стеклянно-зеркальном блеске и разноцветье. Отражение моря за её спиной было насыщенней, ярче, живее.

Как заправский бармен, она подбрасывала в руках шейкер.

– Привет! Пытаюсь придумать отворотное зелье! – улыбнулась барменша.

«Значит – было», – промелькнула мысль в голове Сергея.

– Зачем? Мы можем любить друг друга; наслаждаться каждым днём!

Инга рассмеялась на такое заявление:

– Хорошо! Я подумаю над твоим предложением. Какой коктейль тебе приготовить?

Её улыбка обезоружила лучше всякого зелья – она не придала его словам серьёзного значения.

«Ладно. Дождусь более подходящего времени».

– А какой есть? – без энтузиазма спросил Сергей.

– Хочу предложить тебе – «Юмор»!

Сергей хмыкнул – «Ты хочешь поржать надо мной?».

Но спросил другое:

– Почему именно его?

Сергей удивился размеру рюмки, какую поставила перед ним Инга – она была с напёрсток:

– Ха! Теперь понял, почему он так называется...

– У-ум, – Инга отрицательно покачала головой – «не угадал». – Юмор – это коктейль из наших страстей. Ого! Я сегодня как Шекспир! Шейкспир!

Инга налила в шейкер разных цветных жидкостей и сноровисто начала взбалтывать, изредка подбрасывая металлический сосуд в воздух:

– Если тебе не нравится, можем его переименовать... м-м-м, Коктебель. Коктейль «Коктебель»! Как тебе?

– Одобряю. – Сергей удивился её сноровке: – Где ты этому научилась?!

– Я – самоучка. Я люблю всё новое... помнишь?

Сергей ухмыльнулся, когда барменша из такого большого сосуда наполнила ему этот жалкий «напёрсток»:

– Издеваешься? Ум-м-м... мандаринами пахнет; понюхай...

– А смысл? У каждого свой запах – у всех свои ассоциации.

Попробовав напиток, Сергей почувствовал себя лучше; стал добродушнее, раскованнее, засмеялся своим мыслям

мягко, как от щекотки. По Инге было видно, как она ему сочувствует – тоже рассмеялась тихо, мол, «да, понимаю тебя».

– Из чего этот коктейль?

– Всего понемножку.

– Да я вижу.

Сергей повертел в руке маленький сосуд.

– Я хочу показать тебе, какой шаг в развитии сделали наши чувства – инстинкты – после того как человек организовал вокруг себя ещё одно измерение – общество.

– Опять двадцать пять! – рассмеялся Сергей. – Кто о чём, а вшивый о бане.

– Ну, Серёж, – Инга посмотрела на него осуждающе за грубое слово, но по искоркам в глазах было видно, что она разделяла его веселье.

– Итак. Из каких таких алгоритмов у нас сформировалось чувство юмора? Не на пустом же месте оно у нас появилось.

– Без понятия... Неужели производные юмора есть у животных? Это как-то... необычно звучит.

– Давай попробуем их поискать.

– Валяй. Самому любопытно.

Инга вышла из фургона, и они с Сергеем направились прогулочным шагом вдоль берега.

– Итак! Животные живут тем, чтобы обеспечить себя пропитанием и оставить потомство. И то и другое осуществляется в конкурентной борьбе. Вот от этой точки мы и попробуем найти истоки юмора, да и любого чувства, какое может

испытывать человек.

Для начала ответим на вопрос: «А что такое юмор? Над чем мы смеёмся?»

Сергей замешкался – надо же, такой простой, детский вопрос, а так сразу и не сообразишь. Но Инга продолжила дальше:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.